Лавровский Михаил
(Танцовщик и хореограф)

27.03.06

Моск. правда - 2006 - 27 марта - с.2

ТЕАТР

Михаил ЛАВРОВСКИЙ:

«Классика — основа любого искусства»

27 марта, в Международный день театра, после долгого перерыва, вызванного капитальным ремонтом, откроет свои двери Музыкальный театр имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. О планах труппы (и не только об этом) одного из самых известных театров страны рассказывает его новый художественный руководитель, всемирно известный танцовщик и хореограф Михаил Лавровский.

- Как изменится репертуарная политика театра?

- Прежде всего в репертуаре останутся традиционные «жемчужины» - все постановки Владимира Бурмейстера, лучшие постановки Чичинадзе, Брянцева. С театром будут сотрудничать Юрий Григорович, Олег Винogradов, а также Джон Ноймайер и, возможно, другие балетмейстеры. Я собираюсь поставить вечер классических балетов и сюиту из «Порги и Бесс».

- Вы не восприняли предложение возглавить Театр имени Станиславского и Немировича-Данченко как некое «понижение»?

- Разумеется, нет. Напротив, мне было приятно принять приглашение, поступившее от театра, занять этот пост, хотя обстоятельства моей жизни в последний год были таковы, что не хотелось заниматься ничем... Я потерял двух ближайших друзей, и мое душевное состояние оставило желать лучшего. Но работа, творчество - это... это чрезвычайно важно для артиста. Ну, а что касается «понижения»... Видите ли, у нас почему-то Театр Станиславского и Немировича-Данченко порой воспринимался как, простите, «осетрина второй свежести». Что совершенно неверно. Как вы знаете, во Франции наряду с Гранд-опера существует «Опера комик», в Германии кроме «Дой-

че опер», есть и «Комише опер», в Англии ходят и в Ковент-Гарден, и в Национальную оперу. Все эти театры имеют свою публику, свой репертуар - и нет никакой «вторичности». Так же и Театр Станиславского и Немировича-Данченко, который, между прочим, известен во всем мире. И у него тоже есть свое лицо, свои традиции, свой репертуар.

- А каково сегодня состояние труппы?

- Есть очень интересные мастера. Блистательный Георг Смилевски - фактурный танцовщик лирического жанра, Татьяна Чернобровкина, Наталья Крапивина, Наталья Ледовская...

- Работая в новой должности, вы при этом еще и продолжаете работу в Большом театре?

- Да, как балетмейстер-репетитор.

- А как вы оцениваете сегодняшнюю ситуацию в Большом?

- Большой театр идет своим путем. В нем есть разные хореографы, каждый из которых действует в своем направлении.

- Вы - один из старейших мастеров отечественного балета. Как вы, мастер, чье имя известно во всем мире, оцениваете ситуацию в современной хореографии, ведь довольно часто приходится слышать о кризисе балетного искусства?

- В целом это действительно

так. Великих имен нет. Нет таких, как Васильев, Владимиров, Барышников, Нуреев... Хотя влияние русского балета в мире по-прежнему очень велико. Это влияние дягилевских традиций, а также традиций петербургского и московского балета уже советской поры. Возьмите Владимира Малахова, одного из самых ярких современных танцовщиков, это московская школа, а ныне он - руководитель балета Берлинской оперы, талантливый хореограф. И, между прочим, хореограф, исповедующий прежде всего классическую линию в балетном искусстве. И он прав. Классика - основа искусства. Любого искусства.

- ...на фоне засилья модерна...

- Мне кажется, что модерн уже начинает понемногу уходить. Хотя я не имею ничего против модерна как такового. Но если он присутствует в своих границах. Парижане негодовали, когда в историческом центре города воздвигли музей современного искусства им. Жоржа Помпиду. То же было и с пирамидой перед Лувром. Если вы приходите в театр с классическими традициями, то вы и настраиваетесь должным образом. Вы же не пойдете в театр в стиле барокко или рококо слушать джаз. Это попросту нелепо.

- Сегодня много говорят о так называемом философском балете, который исповедует, например, шведский хореограф Матс Экк.

- Он интересный мастер, как и Иржи Килиан. Хотя для меня в западной современной хореографии прежде всего стоит имя Джона Ноймайера. Потому я и собираюсь пригласить его в Москву. Что касается философии в балете... Мне кажется, что ба-

лет, хореографическое искусство уже само по себе интересно. И «Дон-Кихот», и «Лебединое озеро» ценны сами по себе. Если же говорить о философии, то это должны быть не потуги, а образцы высочайшего свойства, как «Лебединое озеро» у Юрия Григоровича, с финалом, в котором Одетта и Принц гибнут. В свое время этот спектакль был запрещен в СССР.

- Но ваш балет «Нижинский», на мой взгляд, как раз философское произведение...

- Я делал балет о несчастной душе, о человеке, которого пытаются разорвать на две части Дягилев и Ромола - жена великого танцовщика. Они пытаются обладать им.

- Дягилев, совративший Нижинского, стал причиной его сумасшествия, а в конечном итоге и смерти...

- Да... Но в то же время он создал Нижинского. Он сделал ему имя. А за все в этом мире приходится платить. И Нижинскому пришлось дорого заплатить за то, что его имя и по сей день - синоним балетного гения XX века. В то же время я считаю, что права обладать человеком у Дягилева не было. Это право лишь одного Бога.

- Сегодня рядом с балетом Большого театра и балетом Театра Станиславского и Немировича-Данченко действует и еще одна труппа - «Русский имперский балет» под руководством Гедиминаса Таранды...

- Да, но, к сожалению, с труппа существует скорее как антреприза. Я работал с ним над восстановлением «Ромео и Джульетты» моего отца Леонида Лавровского. Это было сделано очень хорошо. В том числе и две сцены, сделанные самим Тарандой. Но он не только талантливый хореограф, но и талантливый продюсер. Именно поэтому его труппа имеет повсюду успех и полные залы.

- Итак, 27 марта гала-представлением откроется Театр Станиславского и Немировича-Данченко. Начнутся «трудные будни». Они пройдут в соперничестве с Большим театром?

- Будем к этому стремиться.

Жанна МИХАЙЛОВА.